

М. Найт Шиамамэлан — специалист по сюрпризам

— "Шестое чувство" словно расчитано на обязательный повторный просмотр.

— Обязательный? Не думаю. Его можно заменить обсуждением. Я часто видел, как после нашего фильма люди задерживаются у выхода и спорят о том, что им показали. Иногда они разговаривают по полчаса — незнакомые люди! За последние полгода я много раз смотрел картину вместе с аудиторией, и каждый раз после сеанса наблюдал подобную реакцию. В такие моменты мне хотелось подойти, обнять по очереди всех зрителей и поблагодарить за внимание к фильму.

— Вы сильно переживали из-за того, что ваш первый фильм "Бодствующий" не имел успеха?

— Еще бы! Через месяц после его выхода о нем все забыли — все, кроме меня. Полный провал. Правда, было несколько хороших рецензий, но все остальные сводились к рекомендации: "Уходи из кино". Это были очень, очень грустные времена. Этот год был один из двух самых плохих в моей жизни.

— Сегодня многие говорят, что "Шестое чувство" — ваша месть тем, кто советовал бросить режиссуру после "Бодствующего".

— Наверное, определенный элемент реакции на провал здесь был. Я помню, что говорил себе: пора перестать мыслить категориями артхаусного кино, это не мое кино и не мой стиль. Я даже смотреть малобюджетные фильмы не люблю. Если вы посмотрите на мои полки с кассетами, вы увидите там в основном знаменитые боевики. Поэтому я сказал себе: хватит притворяться. И начал писать сценарий "Шестого чувства".

— Что вдохновило вас на создание столь необычного сценария?

— В детстве я все время чего-то боялся. Я уже не помню подробностей, но, например, на моей свадьбе один из моих родственников произнес речь о том, что когда он впервые со мной познакомился, меня нельзя было оставлять одного. Он решил, что это очень странно. Наверное, это сильно повлияло на то, что я сочиняю сегодня. Мне и сейчас не нравится одиночество. Возможно, у меня чрезмерно развито воображение, или же есть некие зачатки шестого чувства. Я никогда не могу спать в чужих домах.

— По выходе фильма критики увидели в нем отсылки к "Изгоняющему дьявола" Уильяма Фридкина.

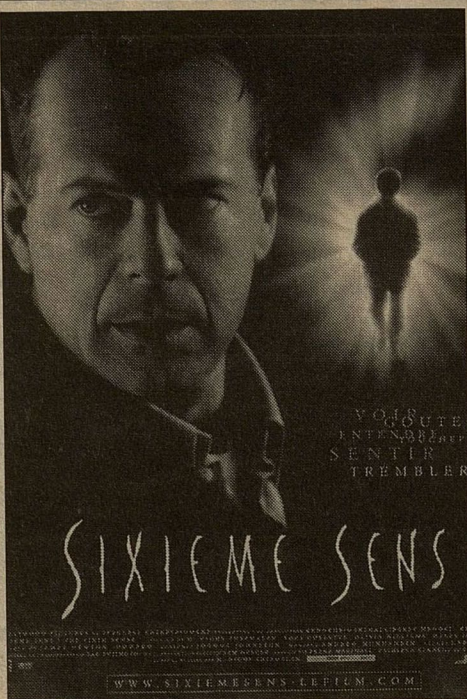
— Мне это льстит. Я считаю "Изгоняющего дьявола" самым лучшим фильмом ужасов всех времен и народов. Это идеальный фильм, потому что все кажется абсолютно реальным.

— У вас была четкая драматургическая концепция, когда вы начинали писать, или же вы шли, куда вел вас инстинкт?

— С самого начала мне хотелось соединить в сценарии два элемента, два уровня. Первый — драматическую историю о неблагополучной семье, такую, как в "Обыкновенных людях". А второй — странную и страшную историю о том, как в дом входит нечто необъяснимое, пугающее, необратимое; как оно разрушает твой дом, разрушает твоего ребенка, и ты совершенно беспомощен — как в "Изгоняющем дьявола". Таковы были мои ранние прикидки. В конечном итоге соединение этих двух слоев дало нечто третье, совершенно не похожее ни на первое, ни на второе. Но мне все же кажется, что в этих двух фильмах есть нечто общее — оба они идут до конца.

— Вы долго писали сценарий?

— Долго. Первый вариант был просто ужасен. Сначала это была история о серийном убийце и мальчике, видящем его жертв. Но история серийного убийцы автоматически стала доминирующей. Получился сценарий об убийце, и в нем было второстепенное ответвление про мальчика, который видит призраков. Я начал переделывать сценарий, и в каждой версии серийного убийцы становилось все меньше, а мальчика — все больше. В конце концов я понял, в чем тут загвоздка — убийца вообще не нужен! И я выкинул весь детективный элемент сюжета. Поначалу Малкольм

дебют "Бодствующий" (Wide Awake) — о 10-летнем мальчике, который после смерти бабушки задается вопросом о существовании Бога. После вполне закономерного коммерческого провала "Бодствующего" Шиамамэлан временно переквалифицировался в драматурга и сделал киноадаптацию детской книги "Стюарт Литтл". Затем было "Шестое чувство".

В апреле Шиамамэлан приступает к съемкам фильма "Несокрушимый" с Брюсом Уиллисом, Самюэлом Джексонсом и Джулианной Мур.

Кроу был фотографом-криминалистом, но потом я сделал его детским психологом. Может быть, в следующем фильме мой герой будет фотографом-криминалистом.

— Продюсеры Фрэнк Маршалл и Кэтрин Кеннеди говорили, будто вы с самого начала заявили им, что в вашем фильме будет сниматься Брюс Уиллис — мол, вы в этом уверены.

— Знаю, это звучит странно, но я с самого начала верил, что смогу снять Уиллиса и писал роль под него. Мне до сих пор не верится, что все получилось именно так. Я послал на студию сценарий, потребовал огромный гонорар, и мне дали добро. Когда дело дошло до приглашения исполнителей, сценарий послали Уиллису, и он через пару дней дал согласие. Многим мой выбор показался странным, но я никогда не считал Брюса традиционным героем боевиков, таким, как Шварценеггер и Сталлоне. Для меня он остается олицетворением обычного человека в экстремальных обстоятельствах.

— А как вы нашли Хэйли Джоэла Осмента?

— Мне не верилось, что я смогу найти актера-ребенка на эту роль. И кстати говоря, я вообще не верил в идею актера-ребенка. Мне казалось, что есть дети-интроверты и дети-экстраверты, и последних можно использовать перед камерой, подбирая по типу характера как можно ближе к персонажу, чтобы ребенок просто был собой в предлагаемых обстоятельствах. Потому что я не верил, что бывают маленькие Роберты Де Ниро. Не верил, пока не увидел Хэйли. До него я прослушал сотни детей — и никто не мог сыграть то, что мне было нужно. Я ничего не знал о Хэйли, никто не советовал мне обратиться на него внимание. Он просто пришел на пробы и потряс меня до глубины души. Это было настоящее чудо. Я написал роль, которую ребенок сыграть не может, а потом нашел единственного ребенка в мире, которому это под силу.

— У него не было проблем на съемках — ведь ему пришлось работать с очень тяжелым материалом.

— Нет, проблемы были только у меня! (смех) Я долго не мог заставить себя вырваться из окончательного монтажа одну сцену, где играл Хэйли, — уж больно хорошо он сыграл!

— А что за сцена?

— Это была очень, очень мощная сцена, но я все-таки решил, что ей не место в фильме, потому что нужно быть очень осторожным, когда показываешь плачущего ребенка. Это был душераздирающий момент — в самом прямом смысле слова — эта последняя сцена, когда на телеэкране показывается пленка, на которой герой Брюса Уиллиса произносит речь у себя на свадьбе. Может быть, это была лучшая сцена, мною написанная. Может быть, там были лучшие диалоги в фильме. Может быть, это была лучшая игра Брюса Уиллиса. Не знаю. В монтажной я превращаюсь в тирана. Я беспощаден во время монтажа.

— Уиллис сильно переживал из-за того, что вы вырезали этот момент?

— Надеюсь, он этого не заметил! (смех) Я думал, он поднимет скандал по этому поводу, но он ничего не сказал. Думаю, к тому времени, когда я подготовил финальный монтажный вариант, все поняли, что у нас получается что-то не совсем обычное, и поэтому не спорили, даже если я гладил кого-то против шерсти.

— А вам часто приходилось гладить против шерсти Брюса Уиллиса?

— Мы сразу же поняли друг друга. Брюсу понравился сценарий, он даже согласился сниматься за меньший гонорар. В первую неделю работы на площадке он время от времени спрашивал меня: "Ты уверен? Ты знаешь, что делаешь?" Потом эти вопросы прекратились. Думаю, Брюс намеренно уехал из США во время премьеры фильма, чтобы не разболтать журналистам о нашем секрете. Мы еще до съемок установили жесткий "кодекс поведения" с прессой, чтобы фильм стал сюрпризом для зрителей.

— Непонятно, каким образом ваш секрет не просочился в прессу через несколько дней после премьеры.

— Да, меня просто потрясло единодушные критиков и зрителей, которые уже посмотрели фильм. Я был свидетелем такой сцены в ресторане: группа людей за столиком обсуждала "Шестое чувство", к ним присоединился их приятель, и они в первую очередь спросили его, смотрел ли он "Шестое чувство". Когда он сказал, что не смотрел, обсуждение сразу же прекратилось. Конечно, не все были так деликатны — один радио-

ведущий намеренно рассказал наш секрет, просто для эпатажа. Но в основном люди смогли посмотреть фильм, не зная, чем он кончится.

— Вас не удивило, что премьеру "Шестого чувства" перенесли с осени на лето 1999 года?

— По правде говоря, мне до последнего момента казалось, что "Шестое чувство" ждет судьба моего предыдущего фильма. На студии долго спорили, когда его лучше выпустить — летом или осенью. Когда мне стало известно, что наш фильм выйдет сразу за "Проектом "Ведьма Блер", я совсем упал духом. Перед премьерой все говорили только о "Ведьме Блер". Отдел маркетинга успокаивал нас, уверяя, что у нас совершенно разные аудитории: у "Ведьмы" — подростки, у нас — от 25 до 49 лет. Потом вышел наш фильм, и на него действительно сначала пошли зрители постарше. А через месяц подростки насмотрелись "Ведьмы" и пошли смотреть наше кино. На пятый уикэнд у нас была касса 30 миллионов долларов. На студии сразу же начали говорить, каким умным ходом стало перенесение премьеры на лето.

— Вы сами снялись в вашем фильме в небольшой роли доктора Хилла. Намерены ли вы продолжать кинокарьеру?

— Ну, знаете, в голливудском кино не так уж много ролей для парня-индуса. Конечно, мне бы очень хотелось сочинить для себя страстную любовную сцену с Кэтрин Зитой-Джонс, но это невозможно. Я не могу вписать себя в сценарий как парня, живущего по соседству. Потому что в этом случае у зрителя сразу же возникнут вопросы, кто у этого парня жена, почему он живет в этом районе, чем он занимается. Я не могу быть на экране просто парнем. Я могу быть террористом. Или колдуном. Или еще каким-нибудь экзотическим персонажем.

— Говорят, вы пишете сиквел "Шестого чувства"?

— Это не сиквел. Это совершенно самостоятельный сценарий. Его стали называть сиквелом, потому что мы с Брюсом Уиллисом уже договорились, что он будет сниматься в моем следующем фильме "Несокрушимый" (Unbreakable). Он сыграет охранника на стадионе, который, пережив ужасную трагедию, заново переосмысливает свою жизнь.

Сьюзен ХОУАРД